

Г. РААБ

**Обзор работ по древнерусской литературе, опубликованных
на немецком языке с 1945 г.***

Прежде всего следует сказать, что в странах немецкого языка условия для исследования древнерусской литературы после 1945 г. улучшались лишь постепенно и в настоящее время также не могут быть названы удовлетворительными. Западноевропейские архивы и библиотеки обладают, как известно, лишь очень небольшим числом древнерусских источников. Стремление же иностранных славистов самим изучать источники в СССР пока еще не всегда исполнимо. К тому же правильный книгообмен между советскими и западноевропейскими библиотеками начал завязываться только в недавнее время. Не один исследователь, озабоченный изучением древнерусской литературы, мог целиком присоединиться к тяжелому вздоху Д. Герхардта: «*Hauret aquam scribo quicunque studet sine libro*».¹ Таким образом, интерес к древнерусской литературе, как и индивидуальные способности к ее исследованию, были и остаются в странах немецкого языка значительно большими, чем это можно заключить по количеству и объему наличествующих работ, ей посвященных. Все же можно отметить и некоторые успехи.

Если мы начнем с обозрения работ, посвященных древнерусской литературе в целом или, по меньшей мере, главным ее областям, то следует прежде всего упомянуть несколько кратких изложений истории русской литературы: V. D. Setchkareff. *Geschichte der russischen Literatur im Überblick*. Bonn, 1949; W. Lettenbauer. *Kleine russische Literaturgeschichte*. München, 1952; W. Lettenbauer. *Russische Literaturgeschichte*. Frankfurt am Main—Wien, 1955. Последняя из упомянутых работ в части, касающейся древнерусской литературы, как в отношении объема, так и вследствие стремления к деловой объективности является вполне удовлетворительным руководством.² Первая книга переведенной недавно W. Krämerом с датского языка и изданной в 1957 г. в Мюнхене «Истории русской литературы» А. Стендер-Петерсена отводит 321 страницу древнерусской литературе. Свое понимание древнего периода истории русской литературы Стендер-Петерсен изложил еще в докладе «*Die Problematik der russischen Literatur. Vom Byzantinismus zum Europäismus* (Vorträge auf der

* Перевод с немецкого С. Н. Азбелева.

¹ См.: *Festschrift für Dmitro Čyževskij zum 60. Geburtstag*. Berlin, 1954 (= *Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität Berlin*, Bd. 6) (далее: Сб. в честь Чижевского), стр. 139.

² См., между прочим, рецензии J. Kobetz'a (*Geist und Zeit*, 1957, Н. 2, стр. 149—153) и G. Wytzens'a (*Wiener Slavistisches Jahrbuch*, V, 1956, стр. 195—199). М. Girod указывает на недостатки в изложении Леттенбауера, которые заключаются в недоучете новейших советских исследований о роли устного народного творчества в древнерусской литературе (*Zeitschrift für Slawistik*, II, 1957, стр. 631 и сл.).

Berliner Slawistentagung (11—13 Novemb. 1954). Berlin, 1956, стр. 130—139 (= Veröffentlichungen des Instituts für Slawistik an der deutschen Akademie der Wissenschaften zu Berlin, № 8)). Автор рассматривает историю древней русской литературы как историю жанров, в чем он определенным образом идет навстречу требованию, выдвинутому недавно в советской науке.³ Следовало бы только пожелать, чтобы Стендер-Петерсен теснее связал остроумно набросанную эволюцию жанровых систем с конкретным содержанием современной им исторической действительности. Это не нанесло бы никакого ущерба специфическим закономерностям литературы и придало бы концепции большую убедительность.

В своем стремлении к целостному охвату древнерусской литературы Стендер-Петерсен отнюдь не одинок. В Вене Р. Ягодич хранит наследство своего рано умершего учителя Н. С. Трубецкого. Статья Ягодича «N. S. Trubetzkoy als Literaturhistoriker» (Wiener Slavistisches Jahrbuch, IV, 1955, стр. 28—50) знакомит нас с увлекательными и донныне не опубликованными мыслями Трубецкого об эстетических переживаниях древнерусского человека и о специфике литературных жанров в древнерусской литературе. Один из основателей фонологии оказывается, таким образом, и исследователем как внутренней, так и формальной структуры литературных произведений, причем последние не отрываются им от их носителя — человека с его исторически обусловленными психическими предпосылками. В особом разделе названной статьи (стр. 36—41) Ягодич дает собственную краткую оценку некоторых последних работ советских исследователей древнерусской литературы (А. С. Орлова, Н. К. Гудзия и В. П. Адриановой-Перетц). Более подробную сводку, чем у Ягодича, дает труд: M. Woltneg. Die altrussische Literatur im Spiegelbild der Forschung 1937—1950 — Zeitschrift für slavische Philologie (далее: ZSP), XXI, 1952, стр. 159—193, 344—367; XXIII, 1954, стр. 189—200 (продолжение печатается). Изучению «Слова о полку Игореве», летописей и повестей посвящены три первых больших раздела, на основании которых рецензентка говорит об успехах прежде всего советских литературоведов. Отдавая должное отдельным выводам исследователей, она выступает против случаев «депоэтизации» («Entpoetisierung») древнерусской литературы (имеется в виду недооценка художественной специфики), следовательно, против тенденции, которая в последние годы была успешно преодолена самими советскими учеными.

В 1952 г. в Берлине был опубликован выполненный А. Magasanik'ом перевод учебника для средней школы советских авторов Н. Поспелова, П. Шаблиовского и А. Зерчанинова (Geschichte der russischen Literatur. Bd. I. Von Anfängen bis zu den dreissiger Jahren des 19. Jahrhunderts), который, конечно, мало мог удовлетворить потребности студентов-славистов ГДР. Переводы известных учебников Н. К. Гудзия и А. А. Кайева в настоящее время еще готовятся к печати. Это заставляет приветствовать начатую заочным отделением русистики педагогического института в Потсдаме серию учебных пособий по русской литературе. Первый выпуск — Geschichte der altrussischen Literatur (10.—17. Jahrhundert). Potsdam, 1957 — составлен мной.⁴ Из рекомендательных хрестоматий напечатана, собственно, только одна: R. Trautmann. Altrussisches Lesebuch. Teil I:

³ См. высказывание И. П. Еремина в ТОДРЛ (т. XII, М.—Л., 1956), стр. 289.

⁴ См. рецензию D. Affeld'a и K. Günther'a в «Fremdsprachenunterricht» (II, 1958, Н. 3). Так называемая «петербургская» концепция, вредное влияние которой в СССР было метко обрисовано Д. С. Лихачевым (Библиография советских работ по древнерусской литературе за 1945—1955 гг. Изд. АН СССР, М.—Л., 1956, стр. 4), встречается отчасти и в ГДР, хотя среди славистов в меньшей степени, чем среди преподавателей-практиков.

11.—14. Jh. Leipzig, 1949 (= Slavistische Studienbücherei, № 3). Некоторые тексты из древнерусской письменности приведены в немецком переложении М. Winkler'ом (Slavische Geisteswelt. Russland. Darmstadt, 1955). Переводные извлечения из древнерусских памятников имеются также в обширной антологии: Max Hirschberg. Die Weisheit Russlands. Meisterwerke der russischen Literatur. Die Bedeutung des russischen Geistes in der Kulturkrise der Gegenwart. Stockholm—Zürich—New York—London, 1947. В этой последней работе имеет, однако, место вводящее в заблуждение подразделение материала; так, например, отрывок «Слова о полку Игореве», к тому же плохо переведенный, оказывается среди легенд и сказок!

Наибольшие заслуги в исследовании древнерусской литературы в странах немецкого языка принадлежат, пожалуй без сомнения, Д. Чижевскому. Его работа «Geschichte der altrussischen Literatur im 11., 12. und 13. Jahrhundert (Kiever Epoche)» (Frankfurt am Main, 1948) представляет собой труд, который, несмотря на различные недостатки, вытекающие отчасти из обстоятельств военного и послевоенного времени, привлекает всеобщее внимание.⁵ Д. Чижевский стремится глубже понять древнерусскую литературу как художественное явление и прослеживает путем кропотливой работы ее эстетическое воздействие вплоть до сферы языкового стиля. Некоторые его воззрения, пожалуй, спорны, как например трактовка вопроса о западнославянском и варяжском влиянии⁶ или хронологическое подразделение литературы Киевской Руси на две последовательные стилевые эпохи; однако усилия автора по систематизации едва обозримых единичных фактов с одновременным учетом значительности недошедшего устного поэтического творчества могут служить исходным пунктом для дальнейших исследований.

Многочисленные этюды по отдельным вопросам истории древней русской литературы встречаются в так называемых «Literarischen Lesefrüchten» и «Neuen Lesefrüchten» Д. Чижевского. Для простоты перечисляем заглавия в порядке расположения статей: «Das altrussische Klage lied» (ZSP, XIX, 1947, стр. 348—352), «Ein Zitat aus Theophrast» (там же, стр. 352—353), «Eine Predigt über den Reichen und Lazarus» (ZSP, XXIV, 1955, стр. 68—69), «Die Erzählung vom Blinden und Lahmen» (там же, стр. 70—72⁷), «Die altslavische Wiedergabe des griechischen Hexameters» (там же, стр. 72—73), «Dyśuščeje more = ὠκεανός» (там же, стр. 73—75), «Ein Zitat aus Aristophanes» (там же, стр. 75—76), «Hl. Dimitry» (там же, стр. 79—81), «Izbornik vom J. 1076» (ZSP, XXV, 1956, стр. 312—313), «Die Darstellung des Skomorochen in einer Kirche?» (там же, стр. 313—314), «Versus rapportari in der slavischen Barockdichtung» (там же, стр. 320—322).

Дальнейшее развитие воззрений Чижевского относительно стиля древнерусской литературы следует ожидать в публикации, которая скоро должна появиться в Гааге: «Die Poetik der altslavischen Literaturen» (= Musagetes. Beiträge zur Literatur- und Kulturgeschichte der Slaven, Bd. 7).⁸

⁵ См. рецензию М. Vasmer'a в ZSP (XX, 1950, стр. 459—467) с перечислением всех филологических недосмотров, а также обстоятельный отзыв Р. Ягодича в «Wiener Slavistisches Jahrbuch» (II, 1952, стр. 209—221).

⁶ См. также отпечатанную на машинке в небольшом количестве экземпляров работу Чижевского «Zu der Frage nach den skandinavischen Einflüssen in der russischen Literatur» (Marburg, 1946).

⁷ См. также: W. Anderson. Zu der Parabel vom Blinden und Lahmen. — ZSP, XXV, 1956, стр. 311—312.

⁸ В связи с временным пребыванием Чижевского в США некоторые его работы, касающиеся древнерусской литературы, появились на английском языке. Немецкая рецензия на его работу «Outline of comparative Slavic Literatures» (Boston, 1952) написана G. Wytrzens'ом (Wiener Slavistisches Jahrbuch, IV, 1955, стр. 190—192).

В довольно обширном сборнике «Aus zwei Welten. Beiträge zu der Geschichte der slavisch-westlichen literarischen Beziehungen» (Haag, 1956 = Slavistische Drukken en Herdrukken, Bd. 10) Чижевский соединил статьи, отчасти уже ранее опубликованные и теперь расширенные, отчасти вновь написанные. Поскольку они касаются вопросов древнерусской литературы, их также следует кратко перечислить: «Einige Probleme aus der vergleichenden Geschichte der slavischen Literaturen» (стр. 1—16), «Der magische Speerwurf», (стр. 17—28; расширение заметки «Islomi kopie», опубликованной в ZSP, XXII, 1954, стр. 339—343), «Die „soziale Frage“ in den altslavischen Literaturen» (стр. 29—44), «Plato im alten Russland» (стр. 45—65; переработка статьи, опубликованной в соавторстве с М. М. Шахматовым — см.: Записки Русского исторического общества в Праге, II, 1931, стр. 49—81), «Das Buch als Symbol des Kosmos» (стр. 85—114), «Die vertriebene Wahrheit» (стр. 115—128; расширенное изложение заметки в ZSP, XVIII, 1942, стр. 44—49), «Deutsche Mystik in Russland» (стр. 179—196; в сокращенном виде опубликована в «Geistige Arbeit», 21 V 1938), «Jacob Boehme in Russland» (стр. 197—219; опубликована в «Evangelium und Osten», 1935, 10, стр. 175—184; 11, стр. 200—205), «Arndts „Wahres Christentum“ in Russland» (стр. 220—230; опубликована в «Evangelium und Osten», 1935, 3, стр. 41—47), «Zwei Ketzer in Moskau» (стр. 231—268; опубликована в «Kyrios», VI, 1944, 1—2, стр. 29—60), «Esenins „Lied vom Brot“» (стр. 319—336). Разумеется, метод сравнительного сопоставления мотивов оставляет в той или иной степени открытым вопрос о достоверной генетической связи, как например в последней из названных работ, где стихотворение Есенина составляет только отправной пункт для исследования, которое затрагивает не только древнерусскую, но и другие славянские и западноевропейские литературы.⁹ В этой связи можно упомянуть также заметку Чижевского «Stanisław Herakliusz Lubomirski in russischer Übersetzung» (ZSP, XXIII, 1955, стр. 256—262) под общим заголовком «Zu den polnisch-russischen literarischen Beziehungen». Две рецензии Чижевского рассматривают вопросы древнерусской литературы по существу: рецензия на книгу Д. С. Лихачева «Возникновение русской литературы» (М.—Л., 1952) в «Südost-Forschungen» (XIV, 1955, стр. 342—346) и уничтожающая критика спорной книги Ю. Сазоновой «История русской литературы. Древний период» (Нью-Йорк, 1955) в ZSP, XXIV, 1956, стр. 415—419. В изданных Чижевским совместно с J. Schröpfer'ом «Heidelberger Slavischen Texten» встречается также кое-что из древнерусской литературы.¹⁰ Об исключительно богатом для немецких условий собрании рукописей Славянского института Гейдельбергского университета Чижевский опубликовал интересное иллюстрированное сообщение: «Handschriftensammlung des Slavischen Instituts der Universität Heidelberg» (Ruperto-Carola. Mitteilungen der Vereinigung der Freunde der Studentenschaft der Universität Heidelberg, Bd. IX, 1957, H. 22, стр. 45—51).

⁹ К.-Е. Wädekin, напротив, стремится дать строго историческое обоснование сравнительно-литературного метода в своей работе «Nibelungenlied und deutsch-russische Beziehungen im Mittelalter» (Beiträge zur Geschichte der deutschen Sprache und Literatur, LXXIII, 1951, стр. 284—304). Остальные работы, связанные с отзывами древнерусского народного эпоса в Германии, здесь не упоминаются, как и вообще все, что касается устного народного творчества.

¹⁰ Так, например, в первой книжке — «Russische literarische Parodien» (Wiesbaden, 1957) — отрывок из «Слова о полку Игореве», представленный в качестве пародии на стиль Бояна, а также образец из «Службы кабаку», или во второй книжке — «Berufung und Bestimmung des Dichters in der slavischen Dichtung. 1. Von den Anfängen bis zur Romantik» (Wiesbaden, 1957) — вступление «Слова о полку Игореве» и одно место из поучения Кирилла Туровского о вселенских соборах.

В настоящее время он работает над обстоятельным описанием этого собрания, которое содержит, в частности, русские рукописи XVII в.

Прежде чем перейти к краткой характеристике работ по отдельным областям древнерусской литературы, начиная с Киевского периода и кончая XVII в., следует назвать две статьи, которые хотя и не посвящены непосредственно древнерусской литературе, но все же некоторым образом касаются ее предыстории. Речь идет об истолковании известного места в VIII главе жития Константина, где говорится о том, что Константин в 860/61 г. нашел в Херсонесе Евангелие с Псалтирью, написанное «русскими» письменами. В то время как большинство советских исследователей защищают тезис о славянском характере этих письмен, F. Liewehr письмомена, обозначенные в качестве «русских», понимает как готские (*Wie Konstantin-Kyryll mit Wulfilas Bibelübersetzung bekannt wurde. — Beiträge zur Namenforschung, III, 1951/52, стр. 287—290*). В противоположность этому D. Gerhardt предлагает конъектуру «соурьскъ» вместо «роурьскъ» и на основании ее объявляет породившее столько споров Евангелие сирийским (*Goten, Slaven oder Syrer im alten Cherson? Ein Nachtrag. — Beiträge zur Namenforschung, IV, 1953, стр. 78—88*).

Мюнхенский славист-музыковед Е. Koschmieder в своей работе «Die ältesten Novgoroder Hirmologien-Fragmente», I. München, 1952 (= *Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Klasse, N. F. 35*); II, München, 1955 (= N. F. 37) вступил в почти неисследованную и находившуюся в полном пренебрежении в течение последних десятилетий область древнерусских церковных песнопений.¹¹ В распоряжении автора имелись только фотокопии рукописей, хранящихся в Москве. Carsten Нюег (Копенгаген) использовал появление этой работы в качестве повода для своей статьи «Ein Buch altrussischer Kirchengesänge» (*ZSP, XXV, 1956, стр. 261—284*). Следующий вклад в изучение этого вопроса принадлежит J. v. Gardner'у, опубликовавшему статьи «Probleme der Erforschung des liturgischen Gesanges der russischen Kirche» (*Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 334—344*) и «Die altrussischen neumatischen Handschriften der Bayerischen Staatsbibliothek in München» (там же, II, 1957, стр. 322—328). В первой из этих статей сообщено, между прочим, об открытии мюнхенской рукописи крюковых нот. Происхождение славянской крюковой нотации Е. Koschmieder трактует в сборнике в честь Чижевского (стр. 146—152 — «Zur Herkunft der slavischen Křjuki-Notation»). Немецкая рецензия на «Русское литургическое творчество» Ф. Спасского (Париж, 1951) написана для *ZSP* Чижевским (см. XXIII, 1954, стр. 210—216).

Вопрос о древнерусских апокрифах кратко затронут в работах: L. Sadnik. *Das Schicksal der Apokryphen im Slaventum. — Universitas, II, 1947, стр. 1051—1054*; J. Matl. *Hölle und Höllenstrafen in den volksreligiösen Vorstellungen der Bulgaren und Serben. — Vorträge auf der Berliner Slavistentagung, стр. 162—175*. D. Gerhardt сообщает о древнерусском Физиологе в своем введении к работе J. Siebert'a «Ein russisches Tierbuch aus der Zeit Peters des Grossen» (*Archiv für Kulturgeschichte, XXXV, 1953, стр. 212—214*). Специальный вопрос критики текста поднят F. Scheidweiler'ом в статье «Sind die Interpolationen im altrussischen Josephus wertlos?» (*Zeitschrift für Neutestamentliche Wissenschaft, XLIII, 1950/51, стр. 155—178*). Упомянутые интерполяции представляются автору содержащими известия современных, впоследствии утраченных источников.

¹¹ Подробный разбор этой работы дает А. Vidaković (*Wiener Slavistisches Jahrbuch, V, 1956, стр. 174—180*).

О «великих проповедниках древней Руси» Иларионе и Кирилле Туровском трактует R. Mayer в статье «Die grossen Prediger Altrusslands» (Münchener Theologische Zeitschrift, II, 1951, стр. 235—250). К. Rose принадлежит монография под заглавием «Predigt der russisch-orthodoxen Kirche. Wesen—Gestalt—Geschichte» (Berlin, 1952). Пусть целевая основа этой изданной в ГДР книги и является просветительно-теологической, тем не менее вводная часть, особенно ее глава «Die Periode des byzantinischen Einflusses vom 11.—16. Jahrhundert» (стр. 39—62), содержит полезный материал, к которому присоединяются в текстовой части немецкие переводы древнерусских проповедей Луки Жидяты, Феодосия Печерского, Кирилла Туровского, Серапиона Владимирского и др. Работа отрецензирована F. v. Lilienfeld (Zeitschrift für Slawistik, II, 1957, стр. 473—475). Дальнейший материал о древнерусской проповеди, прежде всего об Иларионе (между прочим — первый немецкий перевод «Слова о законе и благодати»), дает новейшая публикация Розе: Grund und Quellort des russischen Geisteslebens. Von Skythien bis zur Kiewer Rus. Berlin, 1956 (= Studien aus dem Institut für Ost- und Südslavische Religions- und Kirchenkunde der Humboldt-Universität, Bd. I). К. Kasper недавно защитил в Берлинском университете имени Гумбольдта диссертацию «Die Predigtliteratur der Kiewer Rus als Spiegel der Zeit». Скорейшее ее опубликование было бы очень желательно.

Издание «Russische Heiligenlegenden. Übersetzt und erläutert von G. Apel, E. Benz, W. Fritze, A. Luther und D. Tschizewskij. Herausgegeben und eingeleitet von E. Benz» (Zürich, 1952) представляет собой обширную хрестоматию древнерусской житийной литературы в немецком переводе, которая дает немецкому читателю широкое представление об этом важном виде древнерусской литературы. Древнерусская агиография привлекает особое внимание некоторых немецких славистов.¹² Д. Чижевский в своей статье «Anklänge an die Gumpoldslegende des hl. Václav in der altrussischen Legende des hl. Feodosij und das Problem der „Originalität“ der slavischen mittelalterlichen Werke» (Wiener slavistisches Jahrbuch, I, 1950, стр. 71—86) занимается вопросом западнославянского влияния.¹³ В работе «Studien zur russischen Hagiographie: Die Erzählung vom hl. Isaakij» (Wiener Slavistisches Jahrbuch, II, 1952, стр. 22—49) он рассматривает рассказ о четырех монахах Печерского монастыря, который содержится в летописи Нестора под 1074 г. и который затем, разбитый на четыре отдельные части, попал в Киево-Печерский патерик. Легенда об Исаакии — так называет Чижевский упомянутый рассказ о четырех монахах — кажется ему сочинением с определенной тенденцией, направленной против опасности слишком строгой аскезы. При этом он разделяет мысль, выдвинутую в свое время Н. Никольским (см: Русская мысль, 1913, № 6, стр. 1—23), о том, что русское христианство в XI столетии проповедовало более мягкий и оптимистичный жизненный идеал, чем в позднейшее время. Основательным знатоком сюжета о Борисе и Глебе в последние годы стал L. Müller. До настоящего времени его вкладами в этот сложный текстологический вопрос являются: «Die nichthagio-

¹² В этой связи интересно замечание историка G. Stökl'я, который в своем обзоре «Russisches Mittelalter und sowjetische Mediaevistik», I (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, N. F., III, 1955, стр. 13 и сл.) хвалит издательскую технику советских ученых, но, однако, порицает то небольшое внимание, которое выпадает в СССР на долю агиографии, как «сильно текучего вида источников».

¹³ Отголоска чешской легенды в Киевской Руси касается статья K. O n a s c h. Der cyrillo-methodianische Gedanke in der Kirchengeschichte des Mittelalters. — Wissenschaftliche Zeitschrift der Martin-Luther-Universität Halle—Wittenberg, Jahrg. VI, 1956/57, Gesellsch.- u. sprachwiss. Reihe, № 1, стр. 27—40.

graphische Quelle der Chronik-Erzählung von der Ermordung der Brüder Boris und Gleb und der Bestrafung ihres Mörders durch Jaroslav» (Сб. в честь Чижевского, стр. 196—217), «Die Urform der altrussischen Erzählung über Boris und Gleb» (Vorträge auf der Berliner Slavistentagung, стр. 190—194), «Studien zur altrussischen Legende der Heiligen Boris und Gleb» (ZSP, XXIII, 1954, стр. 60—77; XXV, 1956, стр. 329—363), «Zur Rekonstruktion des „Načal'nyj svod“ der altrussischen Chronik auf Grund des „Skazanije über die Ermordung der Heiligen Boris und Gleb“» (Festschrift für Max Vasmer zum 70. Geburtstag am 28. Februar 1956. Wiesbaden, 1956. = Veröffentlichungen der Abteilung für slavische Sprachen und Literaturen des Osteuropa-Instituts an der Freien Universität, Berlin, Bd. 9 (далее: Сб. в честь Фасмера), стр. 341—348). Для Мюллера неагиографический источник — это исторический рассказ в художественной прозе, вышедший из дружинной среды (сага), который отличается от «Слова о полку Игореве» как будто только мону-ментальной простотой стиля. Наиболее родственен ему по содержанию и стилю, пожалуй, рассказ о Редде под 1022 г. В качестве второго источника Мюллер предполагает «первоначальную легенду» («Urlegende») о мученичестве. «Сказание» возводит теперь отчасти к сохранившемуся летописному рассказу, отчасти к несохранившейся «первоначальной легенде». В то время как реконструкция неагиографического источника летописного рассказа Мюллером уже предложена, реконструкцию «первоначальной легенды» он предполагает дать в своем следующем этюде, который также должен появиться в ZSP.

Разыскания, касающиеся сюжета о Борисе и Глебе, ввели уже нас в круг проблем, связанных с Повестью временных лет. Для практических учебных целей R. Trautmann издал в 1948 г. в Лейпциге «Die altrussische Nestorchronik» (Летопись Нестора) — выборочно, на древнерусском языке, с немецким предисловием (= Slavistische Studienbücherei, № 1). Отдельные части летописи Нестора затронуты в двух интересных работах D. Gerhardt'a: в статье для Сборника в честь Чижевского (стр. 121—142), касающейся преимущественно истории религии, — «Das Land ohne Apostel und seine Apostel», а также в этнографическом этюде «Über Vorkommen und Wertung der Dampfbäder» (ZSP, XXIV, 1955, стр. 82—90). Проблемы летописи Нестора касается также историческое исследование А. Стендер-Петерсена «Die vier Etappen der russisch-varägischen Beziehungen» (Jahrbücher für Geschichte Osteuropas, II, 1954, стр. 137—157). Менее ценна для истории литературы работа W. Philipp'a «Die religiöse Begründung der altrussischen Hauptstadt» (Сб. в честь Фасмера, стр. 375—387). Далее следовало бы назвать немецкую статью итальянского ученого R. Picchio «A. L. Schlözers Nestor-Kritik und ihr Einfluss auf die quellenkritischen Untersuchungen J. Lelewels zur polnischen Geschichte» (Сб. в честь Фасмера, стр. 388—398). Т. Čuževska в своем небольшом этюде «Zu Wladimir Monomach und Kekaumenos» (Wiener Slavistisches Jahrbuch, II, 1952, стр. 157—160) не смогла окончательно доказать возможную зависимость древнерусского автора от византийского образца.

Вот все то немногое, что имеется после 1945 г. на немецком языке о Повести временных лет. Тем более отрадно появление детального исследования Д. Чижевского «Über den Stil der Galizisch-Volynischen Chronik» (Südost-Forschungen, XII, 1953, стр. 79—109). Рассматривая дательный самостоятельный как одну из наиболее примечательных индивидуальных черт стиля этой летописи, Чижевский путем статистического анализа приходит, между прочим, к заключению, что последней хронологической границей работы первого автора следует определить 1261 г., — мнение, в пользу которого говорит и само содержание летописи. При этом Чижевский полагает, что

места, считавшиеся различными исследователями вставкой, не избежали стилистического воздействия со стороны этого автора. Гипотезу Д. С. Лихачева о том, что составитель Галицкой летописи мог быть причастен к созданию Жития Александра Невского,¹⁴ Чижевский отвергает, исходя из своих соображений об индивидуальности его стиля. Сходство обоих памятников автор объясняет принадлежностью к одному жанру: Галицкая летопись не является летописью в собственном смысле слова, она, так же как Житие Александра Невского, — скорее княжеская биография.

«Слово о погибели Руския земли» А. В. Соловьев считает в своей статье «Helles Russland — Heiliges Russland» (Сб. в честь Чижевского, стр. 282—289) исходным пунктом понятия «светло-светлой земли Русской», причем он стремится проследить дальнейшую судьбу этого общего места (topos) в древнерусской литературе и народной поэзии вплоть до новейшего времени.

Очень поучительную статью о «Слове о полку Игореве» и современном состоянии его изучения под заглавием «Russland und sein Igorlied» (Archiv für Kulturgeschichte, XXXIV, 1952, стр. 67—80) написал D. Gerhardt. Представляет интерес его требование опубликовать все содержание споревшего в 1812 г. сборника Мусина-Пушкина, насколько его можно реконструировать на основании косвенной традиции, вместе с соответствующими местами «Задонщины» и другими свидетельствами. Окружение, в которое древний компилятор поместил «Слово о полку Игореве», «между летописями с их подчеркнутой деловитостью и ослепляющими поэтическими чарами византийских эпических романов», не является случайным (стр. 74), а допускает заключения относительно жанра «Слова о полку Игореве». Отрадно то, что Герхардт со всей резкостью восстает против избитого сопоставления «Слова о полку Игореве» с песней о Роланде и песней о Нибелунгах. Как документ актуальнейшей злободневности его можно сравнить пожалуй только с лирикой Вальтера фон дер Фогельвайде (стр. 76). Призыв к созданию немецкого перевода, соответствующего современному состоянию исследования (стр. 78), является вполне оправданным.

До сих пор неопубликованная диссертация «Beitrag zur Erforschung des Igorliedes» была написана I. Luck'ом в 1951 г. в Гёттингене. По одному спорному месту «Слова о полку Игореве» высказывается G. Kirchner в своей заметке «Мыслию, und trotzdem мышию!» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Schiller-Universität. Jena, Jahrg. V, 1955/56, Gesellsch.- u. sprachwiss. Reihe, № 4/5, стр. 621—622). Среди рецензий на литературу по «Слову о полку Игореве», вышедшую не на немецком языке, следовало бы, между прочим, назвать: P. Ягодича на книгу: H. Grégoire, R. Jakobson, M. Szeftel. La geste du Prince Igor. New York, 1948 (Wiener Slavistisches Jahrbuch, II, 1952, стр. 198—208), Д. Чижевского на «Zametki k Slovu o polku Igoreve» (II Belgrad, 1941) (Südost-Forschungen, XII, 1953, стр. 379—382), E. Koschmieder'a на работы: A. Obreńska-Jabłońska. «Słowo o wyprawie Igora», Warszawa, 1954; R. Nahtigal. Staroruski ep «Slovo o polku Igořevě». Ljubljana, 1954 (Welt der Slaven, I, 1956, стр. 209—219). В переводе R. Trautmann'a появились «Очерки» С. П. Обнорского (Skizzen zur Geschichte der alten russischen Literatursprache: Das Lied von der Heerfahrt Igořs, — Sowjetwissenschaft, I, 1948, Н. 1, стр. 93—113¹⁵). Несколько замечаний к именам русских богов, сохранившимся в «Слове о полку Игореве»

¹⁴ См.: ТОДРА, т. V. М.—Л., 1947, стр. 36—56.

¹⁵ Следующий отдел «Очерков» Обнорского появился в 1950 г. (Sowjetwissenschaft, Gesellschaftswiss. Abt. 1950, Н. 1, стр. 46—50). Была переведена также работа М. О. Скрипиля — «Forschungsprobleme auf dem Gebiet der altrussischen Erzählung» (Sowjetwissenschaft, I, 1948, Н. 4, стр. 43—59).

и других памятниках, делает А. Schmaus в работе «Zur altslavischen Religionsgeschichte» (Saeculum, IV, 1953, стр. 206—230, главным образом стр. 214 и сл.).¹⁶

Оба жития, написанные Епифанием Премудрым — Стефана Пермского и Сергия Радонежского — Д. Чижевский исследует с точки зрения их «тороі» — так называемых стилистических общих мест в своей статье «Zur Stilistik der altrussischen Literatur. Торік» (Сб. в честь Фасмера, стр. 105—112). Между прочим, он предостерегает от того, чтобы принимать очевидные «тороі» за автобиографические признания, как это, по его мнению, часто имеет место в «Молении» Даниила Заточника и в других случаях. Новгородской литературы и новгородских ересей попутно касается К. Onasch в работе «Gross-Novgorod und Feofan der Grieche» (Ostkirchliche Studien, III, 1954, стр. 179—192, 287—306). Анонимное описание путешествия, принадлежащее одному из спутников митрополита Исидора в его поездке в Италию в 1437—1440 гг., было издано в немецком переводе и многократно исследовалось;¹⁷ см.: G. Stökl. Reisebericht eines unbekanntenen Russen (1437—1440), übersetzt, eingeleitet und erklärt. — Europa im XV Jahrhundert von Byzantinern gesehen. Graz—Wien—Köln, 1954 (= Byzantinische Geschichtsschreiber, Bd. 2), стр. 149—189; Н. Ludat. Lübeck in einem russischen Reisebericht des Spätmittelalters. — Zeitschrift des Vereins für Lübeckische Geschichte und Altertumskunde, XXXV, 1955, стр. 71—84; L. Müller. Ein Russe bereist 1438 die Salzstrasse. — Lauenburgische Heimat, N. F. Dezember 1955, N. 9, стр. 2—6. Критический разбор перевода Штёкля и статьи Людата (которая содержит частичный перевод) дал Л. Мюллер в «Zeitschrift der Gesellschaft für Schleswig-Holsteinische Geschichte» (LXXX, 1956, стр. 244—276). Описание этого путешествия упоминается также в моем докладе к 500-летию Грайфсвальдского университета «Germanoslawisches im Ostseeraum an der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst—Moritz—Arndt—Universität Greifswald, Jahrg. VI, 1956/57, Gesellsch.- u. Sprachwiss. Reihe, стр. 57—60). В этом докладе я пытаюсь также привлечь внимание к тому обстоятельству, что после включения Новгорода в Московское государство некоторое время существовали исключительно благоприятные условия для непосредственного литературного воздействия со стороны северонемецких ганзейских городов. Московскому конгрессу славистов 1958 г. я предложу доклад о некоторых нижненемецких источниках древнерусских памятников («Zu einigen niederdeutschen Quellen des altrussischen Schrifttums»), между прочим «Прения живота и смерти» и о непосредственных обстоятельствах его проникновения в Россию (см.: Zeitschrift für Slawistik, III, 1958, N. 2—4). W. Philipp в своей статье «Ein Anonymus der Tverer Publizistik im 15. Jahrhundert» (Сб. в честь Чижевского, стр. 230—237) показывает, как неизвестный автор написанного в середине XV в. «Слова инокa Фомы» (имя сочинителя Фомы является позднейшим добавлением!) сравнивает город Тверь и ее великих князей в стиле «плетения словес» с Византийской империей и ее повелителями. Следовало бы назвать еще лингвистическую заметку О. Hansen'a «Der Name des Kaspischen Meeres im Reisebericht des Afanasij Nikitin» (ZSP, XXI, 1952, стр. 113—115). Оставляем в стороне статьи по истории церкви, имеющие лишь косвенное отношение к древнерусской литературе (например, сообщение G. Stökl'я «Zur Geschichte des

¹⁶ Ср. также: S. Pirchegger. Zum altrussischen Götternamen Stribogъ. — ZSP, XIX, 1947, стр. 311—316.

¹⁷ Ср. русское издание В. Малинина (Старец Елеазарова монастыря Филофей и его послания. Киев, 1901, Прилож. XV, стр. 76—87).

russischen Mönchtums» в «Jahrbücher für Geschichte Osteuropas», II, 1954, стр. 121—135).

Вопросам, касающимся XVI в., посвящены три неопубликованные диссертации: Е. Тренцак. Zum Problem und der Gestalt des russischen Nationalbewusstseins im früheren Moskauer Reich des 15.—16. Jahrhunderts. Graz, 1951; R. Winkler. Der Domostroj und seine Entstehungsgeschichte. Leipzig, 1950; Н. Weerth. Wandlungen in der russischen Geschichtsschreibung im 16. und beginnenden 17. Jahrhundert. Göttingen, 1945. Шире представлены работы о русской литературе XVII столетия. Вопросы, касающиеся творчества Аввакума, трактует Р. Hauptmann в своей диссертации «Die christliche Wirklichkeit im Denken und Leben des Protopopos Avvakum» (Münster, 1953; авторское резюме этого, также неопубликованного сочинения напечатано; см.: Theologische Literaturzeitung, LXXX, 1955, стр. 55—56). Статья С. А. Зенковского «Der Mönch Epifanij und die Entstehung der russischen Autobiographie» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 276—292) пытается показать, что автобиографический жанр в древнерусской литературе постепенно и вполне естественно развивался, с одной стороны, из духовных завещаний и монастырских правил, а с другой стороны — из автобиографических отрывков житий, так что ни Аввакум, ни его предтеча и вдохновитель — старец Елифаний не могут быть признаны первыми русскими автобиографами.

Особенно острая полемика существует по вопросу о русском литературном барокко. В программном обзоре «Die slavistische Barockforschung» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 293—307, 431—445) Д. Чижевский, который уже десятилетия играет роль передового бойца идеи барокко, дает оценку современному состоянию вопроса. Как далеко может простираться понятие «барокко», показывает работа венгерского ученого А. Ангяля «Die Barock-Epoche in der slavischen Literatur- und Kulturgeschichte» (Blick nach Osten, II, 1949, стр. 165—180, 267—286), где такие памятники, как «Сказание о киевских богатырях» или «Повесть о Еруслане Лазаревиче» причисляются к барочному эпосу, а А. Л. Ордин-Нащокин назван представителем барочной дворянской литературы России. В своем докладе к 500-летию Грайфсвальдского университета «Das Problem des slavischen Barocks» (Wissenschaftliche Zeitschrift der Ernst—Moritz—Arndt—Universität Greifswald, Jahrg. VI, 1956/57, Gesellsch.- u. Sprachwiss. Reihe, стр. 67—77) Ангяль сожалеет — так же как и Чижевский в упомянутом выше обзоре (стр. 435 сл.) — о недостаточности изучения литературного барокко в СССР, причем исследование И. П. Еремина о стиле Симеона Полоцкого (ТОДРА, т. VI, М.—Л., 1948, стр. 125—153) он оценивает как многообещающее исключение. По моему мнению, мы имеем здесь дело с проблемой, которая требует взаимопонимания от всех участников ее разработки. Барокко является — это доказано выводами сравнительного литературного исследования — подлинным литературным течением в самом широком смысле слова, которое в истории европейской литературы нельзя более игнорировать, и в котором Россия также, без сомнения, принимала участие. С другой стороны, нельзя, конечно, переносить литературные нормы схематически с одной нации на другую.¹⁸

Истолкованием духовного перелома, который наметился в России уже в допетровскую эпоху, занимается М. Вгауп в своем этюде «Das Eindringen

¹⁸ Что касается выжидательной позиции советских литературоведов по отношению к идее барокко, то ее можно связать с традиционной самооценкой французского классицизма, который в России оставался действительным дольше, чем где-либо. Франция, родина классицизма, также долго противилась признанию барокко, хотя тем временем обнаружилось, как многим обязан классицизм столь презираемому им барокко.

des Humanismus in Russland im 17. Jahrhundert» (Die Welt der Slaven, I, 1956, стр. 35—49). Русская литература этого времени, по Брауну, выдвигает светских героев, которые имели мужество «отойти от морально-религиозных норм». Однако не может быть речи о гуманизме в собственном смысле слова. О переводной литературе Московского периода трактует, между прочим, J. Matl в «Deutsche Volksbücher bei den Slaven» (Germanisch-romanische Monatsschrift, V, 1955, стр. 193—212). Народная книга, в ее промежуточном положении между высокой литературой и народной повествовательной традицией, рассматривается Матлем как «фольклористический факт», который распространился, при изменении текстовой формы, на целые стилиевые эпохи.¹⁹

Ряд филологически хорошо разработанных диссертаций на немецком языке вышел из школы шведского слависта Г. Гуннарсона; объемистый сборник второй половины XVII в., привезенный в свое время J. G. Sparwenfelt'ом из его поездки в Россию, исследует St. Dahl в своей работе «Codex AD 10 der Västeraser Galmnasybibliothek» (Uppsala, 1949) (= Publications de l'Institut slave d'Upsal, № 2). Из литературных текстов этого сборника следовало бы упомянуть басни Эзопа в русском переводе, комедию Симеона Полоцкого о блудном сыне, две комедии из репертуара пастора Грегори и шесть отрывков из «Римских деяний». Хроника Сафоновича, которая также заключена в этом сборнике, анализируется отдельно С. Bogelius'ом: «Safonovičs Chronik im Codex AD der Västeråser Gymnasialbibliothek. Eine sprachliche Untersuchung» (Uppsala, 1952) (= Publications de l'Institut slave d'Upsal, № 6). Находящийся в Швеции русский список легенды об Удо положен E. Oehgren'ом в основу его работы «Die Udo-Legende. Ihre Quellen und Verbreitung mit besonderer Berücksichtigung ihrer Übersetzung ins Russisch-Kirchenslavische» (Uppsala, 1954) (= Publications de l'Institut slave d'Upsal, № 8). Список Повести об Аполлонии, который является одним из шести отрывков «Римских деяний» в сборнике AD 10, побудил N. Å. Nilsson'a к его текстологическому исследованию (Die Apollonius-Erzählung in den slavischen Literaturen. Uppsala, 1949 = Труды по славянской филологии, изд. Русским институтом при Стокгольмском университете, т. 3). На стр. 132—145 кратко характеризуется почерк сборника AD 10 и говорится о соотношении обеих русских редакций (одна — в «Римских деяниях», вторая — см. Н. С. Тихонравов. Летописи русской литературы и древности, I, 2. М., 1859, стр. 6 и сл.).

Ученица М. Фасмера, R. Greve, в своей диссертации «Studien über den Roman Nuovo d'Antona in Russland» (Slavistische Veröffentlichungen des Osteuropainstituts an der Freien Universität Berlin, Bd. 10. Berlin—Wiesbaden, 1956) попыталась обрисовать происхождение сюжета народной книги и его дальнейшую судьбу на русской почве (в фольклоре, так же как и в литературе).

Что касается работ о начале русского театра, то следует указать три немецкие рецензии на известное издание А. Мазона и Ф. Кокрона «La comédie d'Artaxerxès (Артаксерксово действо)» (Paris, 1955) — M. Vasmer'a (ZSP, XXIV, 1956, стр. 413—415), A. Schmaus'a (Welt der Slaven, I, 1956, стр. 214—216) и H. Baumann'a (Zeitschrift für Slavistik, II, 1957, стр. 137—141). E. Amburger в статье «Die Mitwirkenden bei der Moskauer Aufführung des „Artaxerxes“ am 17. Oktober 1672» (ZSP, XXV, 1956,

¹⁹ Ср. также статьи Матля «Die christliche Idee in den slavischen Literaturen» (Christentum und moderne Geisteshaltung. Versuche, Studien und Übersichten. Wien—München, 1954, стр. 38—51) и «Antike Gestalten in der slavischen literarischen und Volksüberlieferung» (Saeculum, VI, 1944, стр. 407—431), где затронуты различные вопросы древнерусской литературы, особенно ее заключительной эпохи.

стр. 304—309) детально представляет участников спектакля, насколько можно выяснить биографические даты.

Предложенный обзор работ по древнерусской литературе, опубликованных на немецком языке с 1945 г., который ни в коей мере не претендует на исчерпывающую полноту,²⁰ мог бы свидетельствовать, сколь разнообразны проблемы древнерусской литературы, интересовавшие за последние годы исследователей, пишущих на немецком языке. То обстоятельство, что разносторонность таит в себе опасность разъединения и распыленности, нельзя ставить в вину ученым, которым приходится работать в различных, разделенных границами, государствах.

28 января 1958 г.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН АВТОРОВ

Affeld D. 475	Koschmieder E. 478, 481	Stender-Petersen A. 474, 475, 480
Amburger E. 484	Krämer W. 474	Stökl G. 479, 482
Anderson W. 476	Lettenbauer W. 474	Szeftel M. 481
Angyal A. 483	Liewehr F. 478	Trautmann R. 475, 480, 481
Apel G. 479	Lilienfeld F. v. 479	Trenczak E. 483
Baumann H. 484	Luck I. 481	Trubetzkoy N. S. 475
Benz E. 479	Ludat H. 482	Tschizewskij D. см. Čyževskij D.
Borelius C. 484	Luther A. 479	Vasmer M. 476, 484
Braun M. 483, 484	Magasanik A. 475	Vidaković A. 478
Cocron F. 484	Matl J. 478, 484	Wädekin K.-E. 477
Čyževska T. 480	Mayer R. 479	Weerth H. 483
Čyževskij D. (ср. Tschizewskij D.) 474, 476—483	Mazon A. 484	Winkler M. 476
Dahl St. 484	Müller L. 479, 480, 482	Winkler R. 483
Fritze W. 479	Nahtigal R. 481	Woltner M. 475
Gardner J. v. 478	Nilsson N. A. 484	Wytrzens G. 474, 476
Gerhardt D. 474, 478, 480, 481	Obrębska-Jabłońska A. 481	Zenkovsky S. A. 483
Girod M. 474	Oehgren E. 484	Адрианова-Перетц В. П. 475
Grégoire H. 481	Onasch K. 479, 482	Гудзий Н. К. 475
Greve R. 484	Philipp W. 480, 482	Еремин И. П. 475, 483
Gunnarsson G. 484	Picchio R. 480	Зерчанинов А. 475
Günther K. 475	Pirchegger S. 482	Кайев А. А. 475
Hansen O. 482	Raab H. 475, 482	Лихачев Д. С. 475, 477, 481
Hauptmann P. 483	Rose K. 479	Малинин В. 482
Hirschberg M. 476	Sadnik L. 478	Никольский Н. 479
Høeg C. 478	Scheidweiler F. 478	Обнорский С. П. 481
Jagoditsch R. 475, 476, 481	Schmaus A. 482, 484	Орлов А. С. 475
Jakobson R. 481	Schröpfer J. 477	Поспелов Н. 475
Kasper K. 479	Setschkareff V. D. 474	Сазонова Ю. 477
Kirchner G. 481	Siebert J. 478	Скрипиль М. О. 481
Kobetz J. 474	Smolitsch I. 485	Тихонравов Н. 484
	Solovjev A. 481	Шаблювский П. 475

²⁰ Сознательно опущены различные работы по истории церкви, где вопросы древнерусской литературы упоминаются повсеместно. В этой связи следовало бы назвать только: I. Smolitsch. Russisches Mönchtum. — Entstehung, Entwicklung und Wesen 988—1917. Würzburg, 1953 (= Das östliche Christentum, N. F., 10/11), где довольно обстоятельно излагаются литературные труды древнерусского монашества.